

УДК 67.02

DOI: 10.32362/2500-316X-2018-6-6-101-116

ПОСТМОДЕРНИЗМ: ШАГ В «НЕТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ»

И.Н. Крижановский

Государственный научно-исследовательский институт химии и технологии элементоорганических соединений (ГНЦ РФ «ГНИИХТЭОС»), Москва 105118, Россия

©Автор для переписки, e-mail: ilya.krizhanovskiy@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению и осмыслению постмодернизма в контексте его влияния на различные сферы жизни общества. В ней предпринята попытка ответить на вопрос, как наступление новой смысловой эры в совокупности с развитием информационных технологий отразится на состоянии общества в целом и научной сферы – в частности. Обсуждается воздействие данного явления на культуру, искусство, общественную жизнь и науку. На основании анализа научных, публицистических и художественных литературных источников, а также привлечения материалов из средств массовой информации установлен характер тенденций, индуцируемых рассматриваемым социокультурным феноменом. В статье проанализированы работы апологетов постмодернизма (Р. Барта, М. Фуко, И.С. Скоропановой, В.В. Ерофеева) и его противников (Ж. Бодрийяра, А.Г. Дугина, В.С. Стёпина, С.Г. Кара-Мурзы). Обсуждаются сравнительно новые явления, непосредственно связанные с преобладанием философских принципов постмодернизма в мировом информационном поле (например, «колумбайнеры», клиповое мышление, постдемократия и некоторые другие). Данна оценка отношения постмодернизма к традиционной культуре и традиционным ценностям. Установлен опосредованный характер его влияния на научную деятельность. Автор склоняется к негативной оценке постмодернизма в его нынешнем виде, как основного мировоззренческого принципа.

Ключевые слова: влияние постмодернизма, общество, наука, культура, искусство, тенденции.

POSTMODERNISM: A STEP IN AN "INEXACT DIRECTION"

I.N. Krizhanovskiy

State Research Institute of Chemistry and Technology of Organoelement Compounds (SSC RF “ГНИИХТЭОС”), Moscow 105118, Russia,

©Corresponding author e-mail: ilya.krizhanovskiy@mail.ru

The article is devoted to the consideration and understanding of postmodernism in the context of its impact on various spheres of society. The author attempts to answer the question of how the onset of a new semantic era coupled with the development of information technologies will affect the state of the society in general and the scientific sphere in particular. The impact of this phenomenon on culture, art (in view of the breadth of the concept, only literature is chosen), social life and science is discussed. Based on the analysis of scientific, publicistic and artistic literary sources, as well as materials from the media, the nature of the trends induced by the sociocultural phenomenon under discussion is established. The author of the article analyzes the works of both apologists of postmodernism (for example, R. Bart, M. Foucault, I. Skoropanova, V. Erofeev) and opponents (for example, J. Baudrillard, A. Dugin, V. Stepin, S. Kara-Murza). We consider relatively new phenomena directly related to the predominance of the philosophical principles of postmodernism in the world information field (for example, “columbiners”, clip thinking, postdemocracy, and some others). The article assesses the attitude of postmodernism to traditional culture and values. The author ascertains the mediated nature of its influence on scientific activity and leans towards a negative assessment of postmodernism (in its present form) as the main ideological principle.

Keywords: the influence of postmodernism, society, science, culture, art, trends.

Введение: постмодернизм – что это и откуда?

Люди, интересующиеся историей, философией, искусством и тенденциями их развития, нередко встречаются с таким понятием, как постмодернизм. Данное явление тесно сопряжено с эпохой постмодерна (постиндустриальной, информационной) и, по сложившемуся на данный момент мнению, служит для обозначения: нового периода в развитии культуры; стиля постнеклассического научного мышления; нового художественного направления в искусстве; художественно-эстетической системы, сложившейся во второй половине XX века; рефлексии на вышеозначенные темы [1, с. 9]. Философский энциклопедический словарь определяет постмодернизм как «широкое культурное течение, в чью орбиту в последние два десятилетия XX века попадают философия, эстетика, искусство, наука». Основной его чертой считается разочарование «в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс» [2]. По мнению И.С. Скоропановой, в рамках этого течения человечество переосмыслияет «весь многовековой опыт», который «служит базой для выявления объединяющих человечество ценностей, не привязанных к какой-либо одной центрирующей идеологии, религии, философии» [1, с. 8].

Говоря более простым и приземленным языком, постмодернизм есть следствие усталости общества от идей, преобладавших с конца XIX до середины XX вв. Помимо бурного прогресса и связанного с ним несомненного улучшения уровня жизни, это время породило две мировые войны и ядерное оружие. Суть постмодернизма – это равноправие всех смыслов, всех оценок. Любой подход к культуре в рамках постмодерна одинаково уверен или одинаково неверен, что одно и то же [3]. Интересна также точка зрения А.В. Рыкова, который считает постмодернизм радикальным консерватизмом. Сравнивая консерватизм с постмодернизмом, он пишет: «Это замкнутые автономные системы (не имеющие истории и не поддающиеся реформам), образующие некую враждебную человеку вторую природу». Далее он поясняет свое видение понятия консерватизм: «консерватизм – не только отказ от идеологии прогресса, не только новая «концепция времени»; прежде

всего, консерватизм – это идеология замкнутости, накладывающая ограничения на свободную деятельность человека, сдерживающая его познавательные способности» [4, с. 6].

Чтобы рассуждать о явлении, необходимо выделить его основные черты. Классический анализ постмодернизма приводит теоретик американской контр-культуры Ихаб Хассан. Вот некоторые его характеристики: неточность, фрагментация, деканонизация, утрата «я» и внутреннего мира, ирония, гибридизация, карнавализация, перформанс и соучастие, интертекстуальность жизни (жизнь – связка сопряженных значений) [5, с. 381–382]. Если обобщить это, то останутся два понятия – деконструкция и субверсия. Первое означает использование слов в качестве некого общепринятого набора звуков для обозначения того или иного предмета/явления без его смысла или научной подоплеки; второе (субверсия) – равнозначность всех возможных мнений по одному и тому же вопросу.

Основная отличительная черта нашего времени – глобальность потоков информации, доступность огромных ее массивов людям практически всех возрастов через телевидение, радио и Интернет. Более того, воздействие информации на людей становится более управляемым, и одновременно увеличивается ее «проникающая способность». Поэтому любое масштабное течение в мировом смысловом поле тем или иным образом отразится на нашем сознании и сферах деятельности.

В связи с вышеизложенным основная цель данной статьи – попытаться проанализировать постмодернизм, как смысловую тенденцию последних десятилетий, в немалой степени формирующую мировую ноосферу, и выдвинуть предположение о его влиянии на состояние науки.

Влияние постмодернизма на культуру и искусство

И.П. Ильин в своей книге «Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм» пишет об истоках постмодернизма в литературе. По его мнению, теория постмодернизма впитала важнейшие открытия постструктурализма и деконструктивизма, что позволяет говорить о едином «постструктуралитско-деконструктивистско-постмодернистском комплексе», охватывающем различные стороны гуманитарного знания [6]. В рамках этого комплекса, в частности, пересматривается понятие текста. По терминологии французского теоретика постструктурализма Ролана Барта, текст – это «не эстетический продукт, а знаковая деятельность; это не структура, а структурообразующий процесс; это не пассивный объект, а работа и игра; это не совокупность замкнутых в себе знаков, наделенная смыслом, который можно восстановить, а пространство, где прочерчены линии смысловых сдвигов» [7]. Мы хотели бы особо выделить «смысловое пространство», пришедшее на смену конкретному смыслу. Ролан Барт также разработал концепцию «смерти автора», в рамках которой автор становится «скриптором», источником текста, смысл которого генерирует сам читатель. Задача автора – не в задуманном при создании текста содержании, но в создании гибких образов, возбуждающих самое разное содержание [8]. Несколько годами позже эта тема также была затронута Мишелем Фуко в эссе 1969 г. «Что такое автор?». В нем он писал: «Маркер писателя теперь – не более чем своеобразие его отсутствия» [9].

Если попытаться проанализировать концепции, описанные выше, то можно отметить, что они снимают с автора ответственность за произведения. В этом, а также в

«многосмысловом пространстве», пришедшем на смену конкретному смыслу, кроется негативная, по мнению людей традиционалистских и модернистских взглядов, сторона постмодернизма. Ведь в неопределенном, «заигрывающим с читателем» произведении задача научить чему-то отсутствует изначально. Некоторые произведения и вовсе напоминают «ощущалку» из «Дивного нового мира» Хаксли, не только эмоциональную, но еще и смысловую. Примером такой постмодернистской «ощущалки» (с долей реализма) являются некоторые произведения Романа Сенчина, в частности – сборник рассказов «Напрямик» [10].

Для культуры постмодернизма характерны всепроникающая и бесконечная ирония над собой и всеми другими культурами, «обилие значений и недостаток оценочных критериев» и перепроизводство. Ж. Бодрийяр называет ее культурой избытка [11]. Отчасти это утверждение имеет объективные причины. В связи с прогрессом и ростом благосостояния отдельных регионов нашей планеты число людей, желающих попробовать себя в искусстве, неуклонно росло и продолжает расти. Искусство становится все более массовым, а иногда и примитивным, поскольку значительная часть его производится людьми, которые не обладают необходимыми качествами и умениями. Весьма интересное рассуждение о ситуации критического перепроизводства в искусстве приведено в рассказе Робинсона Спайдера «Жизнь коротка...». В нем автор моделирует ситуацию далекого будущего, в которой из-за высокой степени автоматизации число людей, занятых в искусстве, стало настолько большим, что создать нечто оригинальное стало невозможно. Рассуждая об ограниченности тем и способов самовыражения через искусство, Робинсон пишет: «Существует предел «осмысленному невозможному»; и мы быстро достигаем его» [12].

Еще одна острые проблема, характерная для постмодернистского искусства – это полное отсутствие оригинальности, то есть постоянное паразитирование на всем том, что было ранее, с изменением заложенного в оригинал смысла и/или формы. Данный факт рассматривается сторонниками постмодернизма как нечто новое, живое и оригинальное, но, на наш взгляд, является прямым доказательством того, что постмодернистское искусство – не отдельное направление, а способ зарабатывать имитацией творчества. Наиболее наглядно это можно наблюдать в литературе и музыке. Приведем слова американского публициста А. Парфрея. Характеризуя современное искусство в целом и музыкальную культуру в частности, он пишет, что они «создаются просто как обволакивающая реакция на свою собственную историю. Их практики легко воспроизводятся в постмодернизме, который схватывает форму, почти не отражая суть оригинала» [13, с. 11]. Весьма яркие примеры типичного постмодернистского литературного творчества можно найти в произведениях Игоря Яркевича. По мнению И.С. Скоропановой, Яркевич в своих произведениях «идет по пути растабуирования табуированного», в том числе в сексуальной сфере («Как меня не изнасиловали», «Красная роза любви»), и тем самым борется с «комплексом кастрации», которым типичного персонажа его рассказов награждает «государство маньяк» [1, с. 423–428]. Значительную часть его произведений составляют искаженные цитаты других писателей и поэтов, переписанные в пошловатом и нецензурном духе, с полным искажением (а иногда и извращением) смысла оригинала, но с сохранением мотива.

Однако наиболее яркими представителями русской постмодернистской литературы

являются Виктор Пелевин, Виктор Ерофеев и Владимир Сорокин. В 1997 г. вышла антология, составленная Ерофеевым, в которой, вместо предисловия, была его статья «Русские цветы зла». Данное произведение, по нашему мнению, является манифестом русской постмодернистской литературы. Основными учителями писателей этого направления Ерофеев называет «Гоголя и маркиза де Сада, декадентов начала века и сюрреалистов, мистиков и группу «Битлз», Андрея Платонова и никому не ведомого Леонида Добычина, Набокова и Борхеса». Источники вдохновения – «Паунд и заумь обэриутов, боевики Голливуда, поп-арт и блатные песни, сталинские небоскребы и западный постмодерн». Но самое интересное в данном произведении – то, как Виктор Ерофеев характеризует писателей данного течения. «Юродствующий» Венедикт Ерофеев, который предлагает «Биологический ритм алкогольской исповеди». В творчестве Евгения Харитонова, основавшего гей-культуру СССР в 1970-е, Виктор видит чистую любовь, сравнимую с Тургеневской. «Словесный хаос и бред Сорокина», который скрывается под коркой текста, похожего на «мясо, из которого вытекла кровь» и который изобилует описаниями сексуальных патологий и насилия. Он упоминает и Яркевича, который «сводит прошлые битвы к ярмарке тщеславия». Наиболее лестной оценке удостоен Пелевин, «который от постмодерна предпочел «пятиться» назад, ... к М. Булгакову» [14].

В статье «Игра на струнах пустоты» А.И. Солженицын пытается определить причину «опаснейшего падения человеческого духа». Писатель видит ее в «ложно понятом авангардизме», который «начинал еще до Первой мировой войны с разрушения общепринятых форм... в порыве построить некое «сверхискусство»». Но далее Солженицын пишет, что характерный для Советского Союза соцреализм стал «всеобщим обмороком культуры», с чем сложно согласиться. По нашему мнению, искусство СССР в основной своей массе занималось тем, чем должно традиционно заниматься: воспитывало человека и гражданина. В конце перестройки и начале 90-х была отменена цензура и, как писал Солженицын, нашлись те, «кто увидел главную ценность открывшейся бесцензурной ... деятельности ... в нестесненном самовыражении и только, ... со здравой душевной пустотой, ... безответственно перед нравственностью ... порой и с употреблением низкой браны, ... столетиями немыслимой в печати» [15]. Александр Исаевич видит причину этих метаморфоз в «70-летнем тотальном унижении». Действительно, в оппозиционно настроенных творцах цензура рождала только стремление сбросить ее любой ценой. Однако вспомним также провальную информационную (и не только!) политику позднесоветского руководства и ухудшение материального положения граждан. Следует учитывать и фактическое предательство главы государства, разочарование в идеях, на которых базировалось советское общество. В девяностых же резко ухудшилась среда обитания позднесоветского человека – материально и информационно, когда на неподготовленные умы обрушился поток чуждых нашему обществу (в тот момент) веяний через СМИ и новую литературу [16].

Мировое искусство, которое когда-то несло воспитательную функцию, в котором люди находили идеалы, примеры для подражания, по мнению Ж. Бодрийяра, выродилось в «потерявшую драматизм симуляцию», пытающуюся «развиваться до бесконечности» [17]. Он же в своей книге «Симулякры и симуляции» пишет: «перед нами ад симуляции, который уже не ад мучений и пыток, но ад неуловимого, зловредного, неопределенного

искривления смысла» [18].

Типичной симуляцией искусства, по мнению известного психолога Рамиля Гарифуллина, являются реалити-шоу. С одной стороны, участие актеров в бесконечных низкопробных сериалах порождает в обычных людях мысль о том, что и они так могут. И они, со своей стороны, участвуют в этом общем спектакле, снимаясь в реалити-шоу, играя как актеры. И те, и другие считают, что причастны к искусству, но по большому счету не имеют к нему отношения. Это и есть симуляция [19].

В статье «Эстетика иллюзий» Жан Бодрийяр отмечает, что значительный сектор современного искусства «участвует в деле развенчания искусства как такового, сопрягая эстетику с обязательной тоской... Всё движение в области живописи отвлечено от будущего и обращено в прошлое». Автор отмечает повальная вторичность современного ему искусства, которое занималось (равно, как и сейчас) лишь самоцитированием, симуляцией. Главную черту постмодернизма – иронию Бодрийяр называет «могильной иронией», поскольку ее источник – «Ressentiment» (разочарование, обреченность) [17]. Добавим, что в лексиконе современных критиков есть интересное слово «саспенс» (англ. *suspense*), которое означает «Кинематографический прием затягивания драматической паузы, нагнетания страха, нервного беспокойства в ожидании дальнейшего развития сюжета» [20, с. 255]. Несмотря на традиционное использование указанного приема в кино, он крайне популярен и в современной литературе.

Тот же прием, но несколько иначе понятый, можно видеть в уже упомянутой нами книге «Напрямик», многих рассказах Захара Прилепина (например, «Собачатина»). В исполнении этих и многих других авторов «саспенсовость» произведения выражается в тяжелом, давящем и неприятном ощущении, возникающем без причины и (особенно у Сенчина) без сюжетной связки и разрядки напряженности. По мнению многих современных критиков, наличие «атмосферы саспенса» является важным параметром качества произведения. Примеры использования данного понятия можно увидеть в многочисленных рецензиях на современные литературные и кинематографические произведения. Не об этом ли «сопряжении эстетики с обязательной тоской» говорил Бодрийяр?

Влияние постмодернизма на общество

Исторически появление новых общественных и культурных процессов – это не резкий переход, а дополнение явлений предыдущей эпохи элементами следующей. Отсюда можно сделать вывод, что для нашего времени характерны черты всех трех этапов развития общества и культуры с соответствующими им мыслительными парадигмами. Следует помнить, что модернизм вырос из критики традиционализма, а постмодернизм появился из усталости от идей модернизма и отказа от традиций. Таким образом, в современном мире существуют три, изначально не слишком дружелюбные друг к другу, концепции, вынужденные взаимодействовать, что неизбежно порождает конфликты между представителями тех групп, в которых один образ мысли из нескольких является доминирующим.

Яркий пример – инцидент с нападением на офис известного карикатурного журнала «Charlie Hebdo». С одной стороны, данный теракт – вполне обыденный для нашего времени элемент цивилизационного конфликта Ближнего Востока и Запада, вызванного

событиями последних столетий; с другой – налицо наглядное столкновение радикальной постмодернистской культуры и радикальной традиционной. Причем, если посмотреть на реакцию сочувствующих карикатуристам, то несложно заметить их искреннее непонимание причин такой реакции. Продажи журнала (особенно этого номера) выросли, а погибшие стали мучениками [21]. В итоге акт противостояния мировоззрений стал кровавой рекламой журнала: ведь до появления в СМИ сведений об этом теракте это издание было гораздо менее известно широкой публике.

В 1964 г. Г. Маркузе ввел термин «одномерный человек» (*«One-Dimensional Man»*). Под этим термином он понимает одномерность мышления, которая является необходимой производной индустриального и постиндустриального общества [22]. Развивая и продолжая эту тему, Вячеслав Стёpin в своей книге «Теоретическое знание» пишет: «Современная индустриальная культура ... создает широкие возможности для манипуляций сознанием...», в результате которых «человек теряет способность рационально осмысливать бытие. При этом и манипулируемые и сами манипуляторы становятся заложниками массовой культуры» [23, с. 28–32]. Невольно вспоминается и «Общество спектакля» Ги Дебора, в котором он, руководствуясь похожими соображениями, называет средства массовой информации «настоящим троянским конем» [24].

Существует взгляд на постмодернизм через призму цивилизационного противостояния двух универсалистских систем: атлантистской и евразийской. Данный аспект развития явлений, связанных с постмодернизмом, подробно описывает Александр Дугин в книге «Геополитика постмодерна». В ней он интерпретирует мировую историю как историю противостояния двух систем: Суши и Моря (а позже евразийства и атлантизма). Евразийство – антиглобалистская, многополярная система многих империй, не отрицающая национальное, этническое и конфессиональное разнообразие народов мира. Атлантизм же базируется на «постепенной десуверенизации национальных государств» и размытии национальных, конфессиональных и прочих видов индивидуальности [25]. Исходя из такого толкования исторического процесса, постмодернизм – это некий набор деструктивных для самостоятельных стран духовных установок, в каком-то смысле подготавливающий почву для колонизации.

Мысль о развитии технологий манипуляций сознанием в эпоху постмодерна активно развивает Сергей Кара-Мурза в книге «Манипуляция сознанием». В ней он пишет: «Двадцатый век был переломным в деле манипуляции сознанием. ... Наука, которая занималась этой проблемой, – социальная психология...». Далее он отмечает, что тогда же возникли эффективные технологические средства для массовой пропаганды, и произошло «освоение политиками и даже учеными уголовного мышления... – мышления с полным нарушением и смешением всех норм» [16, с. 191]. В доказательство он приводит события последних десятилетий, во время которых совершались немыслимые преступления под благовидными предлогами, с последующим уходом от ответственности за содеянное: бомбежки Югославии, вторжения в Ирак, провоцирование и подготовка войн и цветных революций, танковый расстрел Дома Советов и пр.

Необходимым элементом, обуславливающим возможность таких действий, является создание «общества спектакля». Характеризуя этот процесс, С. Кара-Мурза пишет: «Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости» [14, с.

191–192]. Напомним, именно эти свойства фигурируют в характеристиках, которые дают постмодернизму и его противники, и сторонники.

Еще один аспект, который мы бы хотели отметить в контексте влияния постмодернизма на общество, это актуальная ныне проблема «колумбайнеров». По поводу недавних трагических событий в Керчи обозреватель информационного портала REGNUM пишет: «...Постмодернизм как социокультурное явление и концептуальная основа для современного неолиберализма коренным образом пересматривает все основы человеческого бытия: от отрицания авторитета и правды, до отрицания смысла и человека» [26]. Роль воспитания в наше время, действительно, сильно недооценена. В условиях отсутствия четких мировоззренческих ориентиров и неприятия авторитета взрослых, умственное и духовное развитие ребенка принимает абсолютно непредсказуемый характер. В итоге его сознание формируется неконтролируемым потоком информации и зависит от того, что и в какой момент его увлекло. И надо отметить, что постмодернизм имеет к таким инцидентам прямое отношение.

Есть еще два интересных явления, характеризующих нашу эпоху: «постистория» рассмотренная Бодрийяром, а впоследствии Дугиным, и «постдемократия». Термин «постистория» означает «такое состояние общества, в котором актуализированы все исторические потенциальности, а, следовательно, невозможно никакое подлинное новаторство. Единственным настроем остается горечь, цинизм, пассивность и серость» [27]. «Постдемократия» – прямое следствие развития манипулятивных техник и их применения в СМИ и политической жизни стран. Суть явления в том, что вне зависимости от количества кандидатов и стартового отношения к ним людей можно таким образом направить информационные потоки, что выберут именно его [28]. Примеры – 1996 год, Ельцина переизбирают, несмотря на стартовый рейтинг в 2%. Кстати, помогали ему в президентской кампании советники из страны, далеко обошедшей все прочие в своем развитии манипулятивных технологий [29]. Даже главный слоган «Голосуй или проиграешь» подозрительно похож на «Выбирай или проиграешь» из компании Клинтона 1992 г.

Влияние постмодернизма на науку

Во введении отмечалось, что один из принципов постмодернизма – постнеклассическое научное мышление. Термин введен В.С. Стёпиным в 1989 г. В своей статье он предложил различать классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональность. «В классической физике идеал объяснения и описания предполагал характеристику объекта без указания на средства его исследования», а в неклассической (квантово-релятивистской) «выдвигается требование четкой фиксации особенностей средств наблюдения» – так трактует Стёpin разницу между классической и неклассической рациональностью. Постнеклассическую науку он характеризует междисциплинарностью, взаимодействием «принципов и представлений картин реальности, формирующихся в различных науках» [30], он указывает, что в ней «наряду с познавательными целями все большую роль начинают играть цели экономического и социально-политического характера» [23 с. 650–660].

Сегодня в вопросе количества научных революций доминирует мнение В.С. Стёпина.

Однако есть мнения, отличные от общепринятого. Например, А.Л. Никифоров утверждает, что в постнеклассический период изменяется не структура науки как таковой (например, междисциплинарность, хоть и в меньшей степени, была и в неклассической), а «место науки в обществе». Это выражается в вытеснении «прикладными науками собственно науки – фундаментальной». Причину такого процесса Никифоров видит в превращении знаний в источник прибыли, «научное знание становится товаром, ученый – наемным работником... Вот почему происходит вытеснение внутринаучных ценностей «социальными ценностями и целями»». Таким образом, по мнению Никифорова, за термином постнеклассическая наука стоит перенаправление научных изысканий из фундаментальных областей (занимающихся познанием мира) в сугубо прикладное русло [31]. Данное перенаправление осуществляется грантовой системой науки. Иными словами, наука все более управляема, и следует признать, что этот процесс объективен в условиях постоянного удорожания научных исследований.

В качестве одной из научных основ философии постмодернизма можно назвать принцип «эпистемологического анархизма», который был разработан Полом Фейерабендом. Критикуя кумулятивную модель развития науки, он утверждает, что развитие науки идет не путем сравнения теории и эмпирических фактов, а путем взаимной критики несовместимых теорий, которые учитывают имеющиеся факты. По ходу размышлений о природе научного познания философ приходит к следующему выводу: «Существует лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах на всех этапах человеческого развития – допустимо все» [32, с. 47]. Данная концепция представляется весьма интересной, однако Фейерабенд доводит ее до абсурда, выводя из тезиса о несоизмеримости теорий возможность защищать любую теорию от внешней критики. Отсюда следует принципиальное равенство всех теорий и суждений, что является одной из базовых установок постмодернизма.

Сознание, мировоззренческие установки, цели и ценности человека формируются на протяжении всей его жизни. Они определяются совокупностью информации, полученной и усвоенной им на разных этапах жизни. И принципиальное отличие нашей эпохи от прошлого времени состоит в избыточности потока информации, который ежедневно окружает каждого из нас. На мышление и психику растущего человека этот поток оказывает огромное влияние, и его необходимо контролировать. Важно понимать, что на нас влияет не только сама информация, но и способ ее поглощения. Наиболее метко это влияние отражает появившийся недавно термин «клиповое мышление». Впервые термин «клип-культура» введен Элвином Тоффлером в книге «Третья волна» [33]. Подробный анализ явления приведен Н.А. Романовым. Он пишет, что клиповое мышление, или сознание – это особая оптика взгляда, позволяющая «фильтровать и воспринимать большое количество фрагментированной аудиовизуальной информации». Однако многие, в частности, социологи, не согласны с тем, что клиповое мышление относится к восприятию информации, а не к поверхностной фильтрации с целью поиска развлечений. Уже не раз социологи замечали, что для современной молодежи, много проводящей времени в Интернете, характерна «направленность на терминалные ценности развлечения и общения» [34]. Многие из них также считают, что данное явление способствует уменьшению у человека способности к системному мышлению [35], которое абсолютно необходимо для

хорошего ученого. Учитывая же сильную увлеченность школьников, студентов и многих взрослых Интернет-ресурсами, на которых мозаичность информации культивируется (ленты соцсетей), количество людей с расщепленным сознанием будет только расти.

И.С. Скоропанова утверждает: «Постмодернисты (зарубежные и русские) ... поколебали власть догматизма и «фаллогоцентризма» в сфере познания, которым противопоставили релятивизм и плюрализм... попытались лучше понять людей, обратившись к сфере коллективного бессознательного, показали преимущество принципа «игры», принципа «удовольствия» над принципом «производства» ...» [1, с. 529]. Заметим, что фаллогоцентризм для русского языка не характерен, а плюрализм и релятивизм хороши для критической проверки, но никак не в качестве ценностей, определяющих мировоззрение. И, наконец, принципы «игры» и «удовольствия», доминирующие в постмодернистском смысловом поле, отнюдь не способствуют появлению у человека желания активно заниматься духовным и научным развитием. Геймификация и виртуализирование сознания молодых людей, по нашему мнению, отнюдь не способствует формированию в них научного мировоззрения.

Основываясь на вышесказанном, необходимо подчеркнуть, что влияние постмодернизма на науку существует, но опосредованное, через умы людей, выросших в «ситуации постмодернизма». Эта ситуация отражается в лингвистике (постструктурализм), в философии (деконструктивизм), в искусствах, в религии (десакрализация), в экономике (приоритет рекламы над товаром, провоцирование спроса) и т.д. [36]. «Предметность и объективность – вот главные особенности научного познания» [31] – а значит, распространение на науку ситуации постмодернизма (с ее субверсивностью, деконструкцией и плюрализмом) либо невозможно, либо приведет к ее ослаблению.

Заключение

По нашему мнению, термин «постмодернизм» стал неким ярлыком, который употребляют к месту и не очень и при том пытаются его конкретизировать, несмотря на невероятно расплывчатые сферы применения. Практически все авторы, исследователи датируют постмодернизм XX веком. Поскольку любое явление следует максимально конкретизировать, постараюсь проанализировать рассмотренные нами аспекты влияния постмодернизма как смысловой тенденции, определяющей основные течения культурной и общественной жизни.

Следует признать, что многие интересные явления остались за рамками нашего исследования. Например, набирающий обороты китайский проект постмодерна и его культурно-смысловые течения, которые разительно отличаются от европейского постмодерна, но пока изучены слабо. В настоящее время трудно предвидеть, как скажется на состоянии общества развитых стран система социального кредита, явно введенная в некоторых городах Китая [37], проекты которой есть и в других странах. Также непонятно, к каким последствиям приведет всплеск популяризации науки. Данное явление нельзя не приветствовать, однако форма подачи материала многими «популяризаторами» вызывает стойкое ощущение, что это лишь один вид шоу (а иногда и маркетинга).

Два основных локомотива постмодернизма в культуре и искусстве – использование чужих форм с искажением или отбрасыванием смысла оригинала и ироничная насмеш-

ка над всем. Для представителей русской постмодернистской литературы характерно и обилие тем, завязанных на насилии, сексуальных патологиях, индивидуализме и социал-дарвинизме. Массовая поп-культура – главный инструмент постмодернизма. Она десятилетиями муссирует одни и те же темы, а иногда и приемы, никак не изменяя сути. Меняется только качество изображения и спецэффектов. Постмодернистской повесткой пронизаны практически все юмористические шоу, и именно такая форма пропаганды отсутствия смысла оказывается наиболее эффективной, поскольку высмеивание лучше всего подходит для десакрализации. А именно «десакрализация всего» и является декларируемой конечной целью постмодернизма. Свежий пример осмеяния святой для миллионов людей темы – съемки Алексеем Красовским черной комедии о блокаде Ленинграда.

Если попытаться разобрать постмодернистское искусство на составляющие, то получим сочетание ироничной пародии и деконструкции. Пародия – жанр не новый и зародилась еще в античности. Выделять вторую составную часть постмодернизма (деконструкцию), как признак самостоятельного жанра, мы также считаем неверным, так как это всего лишь упрощение, низведение явления, выраженного словом до набора символов, отражающего внешнюю сторону явления. На эти два понятия накладывается перепроизводство в сфере искусства вследствие прихода в него большого числа людей, для которых оно лишь способ заработка или эпатажа. В то же время не все пародии, которыми живет постмодернистское искусство сегодня, плохи. Мы лишь хотим напомнить, что они – не оригинальны, а значит, не являются искусством в полном смысле этого слова.

Теперь перейдем к постмодернистскому обществу. Корни явления – те же, что и в культуре. В обществах, на которые все равняются (или пытаются всех равнять) – крайне высокий уровень жизни, который позволяет большинству населения не думать о хлебе насущном, а жить в свое удовольствие. Это расслабляет, способствует росту эгоизма и инфантильности. Называть такое общество постмодернистским, характеризуя тем самым исключительно нашу эпоху – неверно. Тогда надо признать, что первое постмодернистское общество – это Рим в эпоху, предшествующую его падению. Постмодернистским обществом исследователи считают европейское общество. Сравнительно недавно Давид Энгельс в своей книге «На пути в империю» приводит сравнение Европейского Союза и его кризисов с кризисами Римской Империи [38]. Вообще постмодернизм в обществе (в нынешнем его понимании) – это процесс обесценивания или переоценки ценностей. В этом плане наша эпоха не уникальна. Что действительно отличает нашу эпоху, так это скачок в сфере технологий манипуляции сознанием. Однако и он – лишь следствие прогресса в области информационных и социально-психологических наук, наложенное на древнее как мир желание одних повелевать другими.

Хотелось бы отметить некую «детскость» основных установок постмодернизма. Во-первых, это «запрет запретов», вседозволенность – просто мечта капризного ребенка. Во-вторых – принципы игры и удовольствия, призванные заменить призывы к читателю задуматься о той или иной проблеме, много ли детей предпочитет серьезную книгу игре? В-третьих, подростки очень любят насмешки, чем не всепроникающая ирония? Все это, как нам представляется, подтверждает тезис об инфантильности постмодернистского общества. В том же лежит корень такого проблемного явления, как «постмодернистская семья». Это семья, члены которой слабо связаны между собой, так как инфантильность

каждого отдельного человека не позволяет ему осознать ответственность за жизнь потомков, он не считает воспитание своей обязанностью и не видит необходимости длительных, стабильных отношений. Это выражается в увеличении количества неполных и бездетных семей. Причем это касается не только семейных, но и общественных отношений. Здесь же кроется корень процесса атомизации общества, превращения его в манипулируемую «одинокую толпу».

Подведем итоги. В чистом виде такого явления, как «постмодернизм в академической естественной науке» в настоящее время не существует. Вообще для данного общественного института характерен некоторый иммунитет к таким воздействиям, поскольку он концентрирует в себе людей со строгим, системным (а не игровым) мышлением. Однако его опосредованное влияние на научное сообщество – неизбежно. Мы видим его в умах тех, кто еще только вступает в это сообщество. Оно может оказаться на интенсивности и на результатах работы, на целеустремленности и желании отстаивать свою позицию. Оно изменяет место ученых в обществе и то, чем им предстоит заниматься в будущем. И это – в условиях, когда наука и сама меняется, превращаясь в более управляемую структуру, в часть сферы услуг. Но как мы писали ранее – этот процесс объективен.

Как несложно заметить, мы склонны к негативной оценке постмодернизма в его нынешнем виде, как основного мировоззренческого принципа. На наш взгляд, этому и последующим поколениям следует осознать бесперспективность борьбы с прошлым, равно как и перманентного иронизирования над ним. Новая эпоха требует новых критериев и ориентиров, построенных с учетом прошлых ошибок.

Список использованных источников :

1. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. 6-е изд. М.: Флинта Наука, 2007. 608 с.
2. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/956/ПОСТМОДЕРНИЗМ
3. Постмодернизм для чайников – Антон Луценко // YouTube канал «Наука внутри нас», 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Mim0czGf6aw> (Дата обращения 15.10.2018)
4. Рыков А.В. Постмодернизм как «радикальный консерватизм»: Проблема художественно-теоретического консерватизма и американская теория современного искусства 1960-1990-х гг. СПб.: Алетейя, 2007. 376 с. (Серия «Тела мысли»).
5. Kamper D., van Reijen W. Die Unvollendete Vernunft: Moderne versus Postmoderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. 572 s.
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интранда, 1996. 253 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/CULTURE/ILIN/poststrukt.txt_with-big-pictures.html# (Дата обращения 20.10.2018)
7. Барт Р. Семиология как приключение. «Писать» – непереходный глагол? // Arbor Mundi / Мировое древо. 1993. Вып. 2. С. 81–82.

8. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с франц. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
9. Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: Пер. с франц. М.: Кастань, 1996. 448 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/fuko_mishel/chto_takoe_avtor.html#0 (Дата обращения 25.11.2018)
10. Сенчин Р. Напрямик: сборник рассказов. М.: Изд-во «Э», 2016. 378 с.
11. Зыкова Г.Н. Постмодернистская культура и социальное познание // Соционауки. 2001. Вып. 4(25). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/postmodernistskaya-kultura-i-sotsialnoe-poznanie> (Дата обращения 20.10.2018)
12. Робинсон С. Жизнь коротка... 1982. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.domino-books.narod.ru/lib/robinson_melancholy_elephants.htm (Дата обращения 20.10.2018)
13. Культура времен Апокалипсиса / Под ред. А. Парфрея; [Пер. с англ. А. Ведюшкина и др.]. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004. 592 с.
14. Ерофеев Виктор. Русские цветы зла. М.: Подкова, 1997. С. 7–30.
15. Солженицын А.И. Игра на струнах пустоты. Ответное слово на присуждение литературной награды американского национального клуба искусств // Новый мир. 1993. № 4 (816). С. 3–6.
16. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
17. Бордийяр Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий // В кн.: Дугин А. Элементы #9. Постмодерн. 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/195209-16-aleksandr-dugin-elementy-9-postmodern.html#book> (Дата обращения 15.10.2018)
18. Бордийяр Ж. Симулякры и симуляции (Simulacres et simulation): пер. с франц. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 238 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (Дата обращения 15.10.2018);
19. Гарифуллин Р. Постмодернизм в психологии. 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyfactor.org/lib/postmodern-06.htm#12> (Дата обращения 15.10.2018);
20. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.
21. Нападение на редакцию журнала Charlie Hebdo в Париже. Хроника событий // ТАСС. 07.01.2015. – [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1686805> (Дата обращения 15.11.2018)
22. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
23. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура и историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
24. Дебор Г. Общество спектакля. 1967. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/gi-debor-obschestvo-spektaklya.pdf> (Дата обращения 15.10.2018)
25. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=20824> (Дата обращения 15.10.2018)
26. Куликов Д. Постмодерн убил авторитет, а без него воспитание детей невозможно // Regnum. 18.10.2018. – [Электронный ресурс]. – <https://regnum.ru/news/2502832.html> (Дата обращения 18.10.2018)
27. Дугин А.Г. Постмодерн? // В кн.: Дугин А.Г. Элементы #9. Постмодерн. 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/195209-16-aleksandr-dugin->

elementy-9-postmodern.html#book (Дата обращения 15.10.2018)

28. Гринь М.В. «Постдемократия» К. Крауча и кризис западного демократического проекта // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 268–272.

29. (Exclusive) Rescuing Boris. The secret story of how four U.S. advisers used polls, focus groups, negative ads and all other techniques of American campaigning to help Boris Yeltsin win // Time. 15.07.1996. P. 28–37.

30. Стёpin В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

31. Никифоров А.Л. Что такое «постнеклассическая наука»? // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 59–64.

32. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания: пер. англ. А.Л. Никифорова. М.: ACT: ACT Москва: Хранитель, 2007. 413 с.

33. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ACT, 1999. 776 с.

34. Романов Н.А. Клиповая культура в современном медиапространстве // Человек. Культура. Образование. 2017. № 3 (25). С. 97–106.

35. Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 169–176.

36. Руцкова В.С. Оценка постмодернизма в современной российской социогуманитарной науке // Гуманитарный вектор (Проблемы истории философии). 2015. № 2 (42). С. 24–28.

37. Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга // РБК – 11.12.2016 <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (Дата обращения 15.11.2018);

38. Engels D. Auf dem Weg ins Imperium: Die Krise der Europäischen Union und der Untergang der Römischen Republik. Historische Parallelen. Berlin: Europa Verlag, 2017. 541 p.

References:

1. Skoropanova I.S. Russian postmodern literature. 6th Ed. Moscow: Flint Nauka Publ., 2007. 608 p. (in Russ.)
2. Philosophy: Encyclopedic dictionary / Ed. by A.A. Ivin. Moscow: Gardariki, 2004. 1072 p. (in Russ.) [Electronic resource]. – Access mode: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/956/POSTMODERNISM (Access date: 10/15/2018)
3. Postmodernism for teapots – Anton Lutsenko. YouTube channel “Science within us”, 2018. (in Russ.) [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=Mim0czGf6aw> (Access date 10/15/2018);
4. Rykov A.V. Postmodernism as “Radical Conservatism”: The Problem of artistic and theoretical conservatism and the American theory of modern art of the 1960-1990. Saint-Petersburg: Alteya Publ., 2007. 376 p. (Series "The body of thought") (in Russ.).
5. Kamper D., van Reijen W. Die Unvollendete Vernunft: Moderne versus Postmoderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. 572 s.
6. Ilyin I.P. Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism. Moscow: Intrada Publ., 1996. 253 p. (in Russ.) [Electronic resource]. Access mode: http://lib.ru/CULTURE/ILIN/poststrukt.txt_with-big-pictures.html# (Access date 10/20/2018).
7. Bart R. Semiology as an adventure. Is “writing” an intransitive verb? Arbor Mundi /

- Mirovoe Drevo (World Tree). 1993; 2: 81-82. (in Russ.).
8. Bart R. Selected works: Semiotics: Poetics: Transl. from French. Comp., general. ed. and entry article by G.K. Kosikov. M.: Progress Publ, 1989. 616 p. (in Russ.);
9. Foucault Michel. The will to truth: On the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years. Transl. from with French. Moscow, Castal Publ., 1996. 448 p. (in Russ.) [Electronic resource]. Access mode: https://royallib.com/read/fuko_mishel/chto_takoe_avtor.html#0 (Access date 11/25/2018).
10. Senchin R. Napryamik (Direct): storybook. Moscow: "E" Publ., 2016. 378 p. (in Russ.).
11. Zykova G.N. Postmodern culture and social cognition. Sotsionauki (Socionics). 2001; 4(25). (in Russ.) [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/v/postmodernistskaya-kultura-i-sotsialnoe-poznanie> (Access date 10/20/2018).
12. Robinson S. Life is short ... 1982. [Electronic resource] – Access mode: http://www.domino-books.narod.ru/lib/robinson_melancholy_elephants.htm (Access date 10/20/2018).
13. The culture of the times of the Apocalypse / Ed. by A. Parfrey; [Transl. from English A. Vedyushkin et al.]. Ekaterinburg: Ultra. Kultura Publ., 2004. 592 p. (in Russ.)
14. Erofeev Viktor. Russian flowers of evil. M.: Podkova Publ., 1997. P. 7-30. (in Russ.)
15. Solzhenitsyn A.I. Playing on the strings of emptiness. Response word to the award of the literary award of the American National Art Club. Novyy mir (New World), 1993; No. 4 (816): 3-6. (in Russ.)
16. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. Moscow: Eksmo Publ., 2005. 832 p. (in Russ.)
17. Baudrillard J. Aesthetics of illusions, aesthetics of the loss of illusions. In book: Dugin A. Elements # 9. Postmodern. 2000 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.libfox.ru/195209-16-aleksandr-dugin-elements-9-postmodern.html#book> (Access date 10/15/2018).
18. Baudrillard J. Simulacres and Simulations (Simulacres et simulation): transl. from French by A. Kachalov. Moscow: Postum Publ., 2015. 238 p. (in Russ.) [Electronic resource]. – Access mode: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (Access date 10/15/2018).
19. Garifullin R. Postmodernism in Psychology. 2010 [Electronic resource]. – Access mode: <https://psyfactor.org/lib/postmodern-06.htm#12> (Access date 10/15/2018).
20. Shagalova E.N. The newest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century. Moscow: AST: Astrel Publ., 2011. 413 p. (in Russ.)
21. The attack on the editors of Charlie Hebdo in Paris. Chronicle of events. TASS. 07/01/2015 – [Electronic resource]. – <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1686805> (Access date 11/15/2018).
22. Marcuse G. One-Dimensional Man. M.: REFL-book Publ., 1994. 368 p. (in Russ.)
23. Stepin V.S. Theoretical knowledge. Structure and historical evolution. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000. 743 p. (in Russ.)
24. Debord G. Performance Society. 1967. (in Russ.) – [Electronic resource]. – Access mode: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/gi-debor-obschestvo-spektaklya.pdf> (Access date 10/15/2018).
25. Dugin A.G. Postmodern geopolitics. 2007. (in Russ.) – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.e-reading.club/book.php?book=20824> (Access date 10/15/2018).
26. Kulikov D. Postmodern killed authority, and without it, raising children is impossible.

Regnum. 10/18/2018. (in Russ.) – [Electronic resource]. – <https://regnum.ru/news/2502832.html> (Access date 10/18/2018).

27. Dugin A.G. Postmodern? In book: Dugin A.G. Elements # 9. Postmodern. 2000. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.libfox.ru/195209-16-aleksandr-dugin-elementy-9-postmodern.html#book> (Access date 10/15/2018).

28. Grin' M.V. "Post-democracy" of K. Crouch and the crisis of the Western democratic project. Obshchestvo i parvo (Society and Law). 2014; No. 3 (49): 268-272. (In Russ.)

29. (Exclusive) Rescuing Boris. The secret story of how four U.S. advisers used polls, focus groups, negative ads and all other techniques of American campaigning to help Boris Yeltsin win. Time. 07/15/1996. P. 28-37.

30. Stepin V.S. Scientific knowledge and values of technological civilization. Voprosy filosofii (Questions of Philosophy). 1989: (10); 3-18. (in Russ.)

31. Nikiforov A.L. What is "post-non-classical science"? Epistemologiya i filosofiya nauki (Epistemology and Philosophy of Science). 2013; 36(2): 59-64. (in Russ.)

32. Feyerabend P. Against the method. Essay on the anarchist theory of knowledge; transl. from English by A.L. Nikiforov. Moscow: AST: AST Moscow: Khranitel', 2007. 413 p. (in Russ.)

33. Toffler E. The third wave. Moscow: ACT Publ., 1999. 776 p. (in Russ.)

34. Romanov N.A. Clip culture in modern media space. Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye. (Man. Culture. Education). 2017; 3(25): 97-106. (in Russ.)

35. Dokuka S.V. Clip thinking as a phenomenon of the information society Obshchestvennye nauki i sovremennost' (Social Sciences and Modernity). 2013; (2): 169-176. (in Russ.)

36. Rutskova V.S. Evaluation of postmodernism in modern Russian social science and humanities Gumanitarnyy vektor (Problemy istorii filosofii) (Humanitarian Vector (Problems of the History of Philosophy)). 2015; 2(42): 24-28. (in Russ.)

37. Digital dictatorship: how the social rating system is introduced in China. RBC. 12/11/2016. (in Russ.). <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (Access date 11/15/2018)

38. Engels D. Auf dem Weg ins Imperium: Die Krise der Europäischen Union und der Untergang der Römischen Republik. Historische Parallelen. Berlin: Europa Verlag, 2017. 541

Об авторе:

Крижановский Илья Николаевич, инженер, Государственный научно-исследовательский институт химии и технологии элементоорганических соединений (105118, Россия, Москва, ш. Энтузиастов, д. 38).

About the author:

Ilya N. Krizhanovskiy, Engineer, State Research Institute of Chemistry and Technology of Organoelement Compounds (38, Shosse Entuziastov, Moscow 105118, Russia).

Для цитирования: Крижановский И.Н. Постмодернизм: шаг в «неточном направлении» // Российский технологический журнал. 2018. Т. 6. № 6. С. 101–116. DOI: 10.32362/2500-316X-2018-6-6-101-116

For citation: Krizhanovskiy I.N. Postmodernism: A step in an "inexact direction". *Rossiyskiy tekhnologicheskiy zhurnal* (Russian Technological Journal). 2018; 6(6): 101-116. (in Russ.). DOI: 10.32362/2500-316X-2018-6-6-101-116

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-65315 от 12 апреля 2016 г.

Дата опубликования 3 декабря 2018 г.

МИРЭА – Российский технологический университет
119454, Москва, пр. Вернадского, 78.

<http://rtj.mirea.ru>